

Дмитрий Ковпак

Советский историк и зарубежная наука: Александр Львович Шапиро и западные историки-русисты

Александр Львович Шапиро (1908–1994) – известный советский историк, специализировавшийся в области российской аграрной истории и истории российской исторической мысли. В немногочисленной литературе по международным аспектам истории русистики А.Л. Шапиро и подавляющее большинство советских историков не упоминаются. В историографии доминирует понимание международного научного общения как сотрудничества, поэтому внимание исследователей привлекают те советские историки, кто был вовлечен в интенсивное личное общение с зарубежными русистами. Наибольшую известность приобрел в этой связи профессор П.А. Зайончковский. «Его достоинства как ученого и учителя пересекли национальные границы, и никто другой, ни в Советском Союзе, ни в Соединенных Штатах не имел такого глубокого и длительного влияния на профессию историка в обеих странах», – писал один из учеников П.А. Зайончковского, Альфред Рибер¹. В.А. Большакова подчеркивает, что одной из важнейших отличительных черт научной школы П.А.Зайончковского являлся «дух международного сотрудничества»: для московского профессора студенты из США и европейских стран были именно учениками, а не иностранными стажерами². Среди других историков, проявлявших большую заинтересованность в общении с западными коллегами, можно назвать Н.М. Пирумову, С.Я. Лурье, Б.С. Итенберга³.

Перечисленные историки представляются как исключение из общего правила – изоляции советских ученых, как и всего советского общества от Запада. При обращении к общим проблемам международной научной коммуникации такое понимание направляет исследовательский поиск в сторону анализа политических и идеологических препятствий, которые затрудняли диалог между совет-

¹ Rieber A.J. Petr Andreevich Zaionchkovskij (1983) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1985. Vol. 33. № 2. P. 313.

² Большакова О.В. П. А. Зайончковский и его американские ученики // *Отечественная история*. 2004. № 4. С. 92 и сл.

³ См.: Ганелин Р.Ш. «Свободный художник» советской исторической науки: В.Р. Лейкина-Свирская // *Его же. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах*. СПб., 2006. С. 315; Hamburg G.M. Remembering Natalia Pirumova: On Writing History in the Stalin and Post-Stalin Eras // *Kritika. Exploration in Russian and Eurasian History*. 2000. № 1(3). P. 511f.; Будницкий О.В. Историк из «поколения лейтенантов» // *Отечественная история*. 2001. № 5. С. 134 и сл.; Ганелина И.Е. Я.С. Лурье: история жизни // *IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье*. СПб., 1997. С. 21.

скими и западными историками. Ряд этих препятствий – хорошо известны и очевидны, другие – не всегда принимаются исследователями во внимание.

Политика советского руководства в области регулирования международных контактов граждан переживала изменения, но тенденция к изоляционизму преобладала всегда, даже в годы правления М.С. Горбачева⁴. Право выезда за пределы страны фактически было превращено в СССР в привилегию и поставлено под жесткий административный контроль; обмен публикациями и переписка были ограничены цензурой; личное общение с посещавшими Советский Союз иностранцами не поощрялось⁵.

В тех же случаях, когда ученым предоставлялись возможности для обмена информацией и общения, их ограничивало идеологическое противостояние двух систем. Одним из наиболее ярких проявлений конфронтации в международном общении ученых стали международные конгрессы исторических наук и другие международные форумы⁶. «В условиях идеологического противоборства зарубежные контакты советских обществоведов, их поездки на научные конференции и конгрессы преследовали по преимуществу конфронтационные цели. Они не были рассчитаны на длительное конструктивное сотрудничество», – писал в этой связи В.И. Бовыкин, постоянный участник советских делегаций на форумах по экономической истории⁷.

Ставшие возможными в конце 1950-х гг. заграничные командировки советских историков и поездки западных историков в СССР, преследовавшие, казалось бы, сугубо научные цели, также выявляли наличие идеологических предубеждений с обеих сторон. Особенно очевидными они становились в ситуациях, связанных с одной из главных профессиональных проблем для историков – доступом к зарубежным архивам. Реакция исследователей на отказ или ограничение в доступе повторяла, по наблюдению А.М. Филитова, милитаристский стереотип времен

⁴ Так, не был отменен указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О порядке сношений государственных учреждений и должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств», допускавший контакты с границей только при посредстве Министерства иностранных дел и его отделов в отраслевых министерствах. В 1988 г. в указ были внесены незначительные изменения, не затронувшие суть нормы. За нарушение ее предусматривалось наказание не только «дисциплинарное», но и уголовное (Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 12. С. 185). По воспоминаниям Р.Ш. Ганелина, его коллега по ЛОИИ, Б.Т. Горянов был уволен в начале 1960-х гг. из ЛОИИ за попытку послать статью за границу без соответствующего разрешения. (Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2006. С. 366). О контроле государственной границы в СССР см.: Chandler A. Institutions of Isolation: Border Controls in the Soviet Union and Its Successor States, 1917–1993. Montreal, 1998.

⁵ До сих пор наиболее содержательной в фактическом отношении работой по проблеме ограничения международного научного общения является книга эмигрировавшего из СССР биохимика и геронтолога Ж.А. Медведева. (Медведев Ж.А. Международное сотрудничество ученых и национальные границы. Тайна переписки охраняется законом. Лондон, 1972).

⁶ См.: Мохначева М.П. Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография. М., 1996. С. 78-108.

⁷ Бовыкин В.И. Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история. Обзорение. М., 1996. Вып. 1. С. 26.

«холодной войны»: «Ракета на ракету, боеголовка на боеголовку»⁸. Так, историки из ФРГ в отчете о поездке в СССР в 1974 г. предлагали в ответ на ограничение допуска в советские архивы лишить советских историков возможности работать в немецких архивах⁹. Таким же образом в 1959 г. американский русист Сэмюэль Барон, раздосадованный отказом в доступе к архиву Дома Плеханова, предупредил директора библиотеки им. Салтыкова-Щедрина «о будущем возмездии для советских исследователей, изъявивших желание провести исследовательскую работу в Соединенных Штатах»¹⁰. Используемое С. Бароном слово «возмездие» («retaliation») явно отсылает нас к риторике «холодной войны»¹¹. В ответ на вмешательство политических явлений в научную работу историки отвечали в том же политическом духе.

А.А. Фурсенко, один из немногих советских историков, допущенных к заграничным командировкам, вспоминал о том, что ему с трудом удалось добиться разрешения на работу в архиве Рокфеллеровского центра. Причиной тому стало изначально враждебное отношение официальных представителей семьи к советскому американисту и их отрицательная оценка книги Фурсенко о Рокфеллерах. Будучи все-таки допущенным к архиву при посредстве своего куратора из Института международного образования, советский историк сумел спустя некоторое время найти общий язык и с архивистом Рокфеллеров, Джозефом Эрнстом. В дальнейшем это позволило Фурсенко, вопреки правилам архива, получить ксерокопию ценного документа о жизни американца в Петрограде после октябрьского переворота 1917 г.¹² Если с системой и политическими обстоятельствами бороться в одиночку было бесполезно, отсюда и апелляции к «возмездию», то на уровне человеческих взаимоотношений диалог и понимание были возможны.

Но и на этом уровне не обходилось без проблем. Обратившись к свидетельствам советского времени, мы найдем свидетельства различий между научной культурой советских и зарубежных историков. Американские русисты, например, вспоминают, что выбор ими тем для исследования вызывал недоумение со стороны советских коллег. Реакция последних была продиктована отличным от американской исторической профессии пониманием ценности и актуальности предполагаемого исследования. Профессор МГУ М.Т. Белявский оценил предложенную Джоном Александером тему о чумном бунте 1771 г. как «не стоящую дальнейших исследований». Отношение московского ученого смягчилось после пояснения Д. Александером того, что он собирается заниматься «эпидемий в со-

⁸ Филитов А.М. Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 129.

⁹ Там же. В 1986 г., когда А.М. Филитову предоставилась возможность поездки в ФРГ, ему было отказано в доступе к Федеральному архиву.

¹⁰ Baron S.H. A Tale of Tow Inquiries // *Adventures in Russian Historical Research: Reminiscences of American Scholars from the Cold War to the Present*. Armonk, L., 2003. P. 23.

¹¹ Medhurst M.J. Rhetoric and Cold War: A Strategic Approach // *Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology*. East Lansing, 1997. P. 24.

¹² Историк А. А. Фурсенко рассказывает // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2000. № 2. С. 137-139.

циально-экономическом контексте»¹³. Фредерик Старр столкнулся с аналогичной реакцией со стороны сослуживцев А.Л. Шапиро по историческому факультету ЛГУ, профессоров С.Б. Окуня и Н.Г. Сладкевича. «Когда я заявил о желании написать книгу на тему "Децентрализация и самоуправление в России" (в пореформенный период – Д. К.) они оба... расхохотались, и продолжали посмеиваться до самого конца разговора. Наконец, Окунь, вытирая глаза, пожелал мне всего хорошего и попросил известить его "о любых находках"», – вспоминает американский историк¹⁴.

Западные и советские историки России, хотя и в рамках одной дисциплины, принадлежали к разным академическим сообществам и, следовательно, представляли отличные друг от друга научные культуры. В XX веке понятие объективности все более утрачивало свою привлекательность в академических кругах Западной Европы и США¹⁵, но в советской исторической профессии сохранялось представление о прошлом как о реальности, поддающейся восстановлению с помощью специальных приемов. Исторический процесс, с этой точки зрения, был детерминирован законами. Кроме того, травматический опыт эпохи сталинизма и прямого вмешательства государственного руководства в работу историка сообщал, после разоблачения «культы личности», критерию «объективности» особенно большое значение в иерархии профессиональных ценностей советского историка. Мириам Добсон, британский историк хрущевской «оттепели», полагает, что работы советских и постсоветских историков отличает от исследований их зарубежных коллег «эмпирическая направленность», стремление устанавливать и излагать факты, а не интерпретировать их. В силу ограничения методологических поисков советская историография не испытала влияния многих новейших западных интеллектуальных течений, в частности, «лингвистического поворота»¹⁶. Западные историки России, пишет Дэвид Рансел, были «более восприимчивы к интеллектуальным тенденциям в своих научных сообществах, чем к работам российских исследователей»¹⁷. Даже окончательное падение «железного занавеса» и расширение возможностей для академического общения не привело, полагает Д. Рансел, к сближению исследовательской культуры российских и иностранных историков. Анализируя рецензии и материалы дискуссии о книге Б.Н. Миронова *Социальная история России*¹⁸, американский историк приходит к заключению о том, что между представлениями западных и российских ученых о

¹³ Alexander J.T. Catherine the Great and the Rats // *Adventures in Russian Historical Research*. P. 51.

¹⁴ Starr F.S. Leningrad, 1966–1967: Irrelevant Insights in an Era of Relevance // *Adventures in Russian Historical Research*. P. 78.

¹⁵ См. об этом классическую работу Питера Новика: *That Noble Dream: The 'Objectivity Question' and the American Historical Profession*. N.Y., 1988.

¹⁶ Evans R. *Cosmopolitan Islanders: British Historians and the European Continent*. N.Y., 2009. P. 46f.

¹⁷ Ransel D.L. A Single Research Community? Not Yet // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 3. P. 551.

¹⁸ Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. СПб., 1999. Т. 1-2; Изд. 2-е, СПб., 2000. Т. 1-2.

критериях научной состоятельности существует значительное расхождение. На Западе монографию Миронова критикуют с точки зрения ее соответствия современной историографической моде, в России же обращают внимание на источниковедческую сторону работы и на достоверность и полноту содержащихся в ней фактических данных¹⁹.

Таким образом, проблемы в международной научной коммуникации не исчерпываются политическими обстоятельствами. По мнению Д.А. Александрова, изоляционизм советского научного сообщества стал следствием ряда причин, роль которых с течением времени изменялась. «Тенденция к научной автаркии началась с естественного стремления к самодостаточности и была следствием силы отечественного научного сообщества. Окончательно же сформировавшись под влиянием политических репрессий, послевоенной ксенофобии и политической изоляции времен "холодной войны", сама изоляция привела к ослаблению многих направлений, к замыканию отечественной науки в коконы "уникальных направлений" и т. п.», – считает историк²⁰.

В данной статье выявляются пути коммуникации между советским историком А.Л. Шапиро и его западными коллегами. Шапиро представляет в данном отношении особый интерес, поскольку он не выделялся своей активностью в общении с западными коллегами из сообщества советских историков, так, как выделялся, например, П.А. Зайончковский, и не входил в число тех, для кого были доступны поездки на зарубежные научные конференции. В то же время, Шапиро был одним из ведущих советских историков и его работы были известны за рубежом. Свою задачу я вижу в том, чтобы на примере Шапиро выявить формы коммуникации между историками в специфических условиях «холодной войны» и выяснить, как соотносились друг с другом системы профессиональных ценностей в академических сообществах западных и советских историков, как складывалось отношение ученых к исследованиям своих зарубежных коллег и насколько на это отношение влияли идеологические стереотипы и принадлежность к разным научным сообществам.

По опубликованным в последние два десятилетия личным документам – письмам и дневникам – советских историков можно проследить, как в течение 1950-х гг., с открытием границ, появляются «заграничные» сюжеты. Роберт Д. Инглиш пишет о том, что на волне десталинизации советские историки, вслед за советскими писателями и философами, выступали против культурного и научного изоляционизма²¹. Приводимые американским автором сведения из истории советской историографии относятся к 1960-м гг., поэтому его выводы нуждаются в уточнении. По моему мнению, авторы дневников и писем занимают скорее по-

¹⁹ Ransel. *Op. cit.* P. 554ff.

²⁰ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914-1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 21.

²¹ English R.L. *Russia and the idea of the West: Gorbachev, intellectuals, and the end of the Cold War.* N.Y., 2000. P. 83-92.

зицию наблюдателей, чем активных сторонников расширения связей с зарубежными историками. Часть свидетельств составляют упоминания заграничных поездок ведущих советских историков²² и обсуждение туристических впечатлений²³. Такие поездки были в 1950-е гг. явлением новым, и так и остались недоступными для большинства советских историков. Более интересно для нас другое явление: некоторые советские историки оценивают в международном контексте свои работы и исследования своих коллег. Так, Б.А. Романов в письме Е.Н. Кушевой от 8 января 1956 г. пишет о вышедшем годом ранее втором издании его книги *Очерки дипломатической истории русско-японской войны*: «...Русская часть в книге, как правило, мною оставлена была неприкосновенной (за недопуском меня к архивным материалам); за рубежом, вероятно, так и поймут, что я писал книгу в заграничной командировке»²⁴. Вероятно, Романов иронизировал по поводу возможного неверного истолкования зарубежными историками особенностей его книги и связи этих особенностей с его собственной тяжелой судьбой.

У А.Л. Шапиро заграничная тематика появляется в письмах конца 1956 г. к Л.А. Дербову, и связана она с оценкой советской исторической литературы и того, насколько успешно удавалось советским историкам преодолеть наследие сталинского времени. Шапиро отмечает: «Вообще некоторые наши "маститые" очень туго отходят от фальсифицированных построений, связанных с культом личности». И продолжая свою мысль, резко критикует доклад Б.А. Рыбакова о Древнерусском государстве для международного конгресса исторических наук в Риме: «Меня крайне поразило, что среди докладов наших историков в Риме оказался доклад о происхождении Киевского государства Рыбакова. По-моему, это бред сивой кобылы. А книга вышла в 1956 г.»²⁵. Прибегать в своих письмах к столь резким выражениям Шапиро не было свойственно, однако приведенный отрывок примечателен не только этим. Следует обратить внимание на то, каким образом конструируется в письме ситуация в профессиональной среде историков. Шапиро делит эту среду на «маститых» и, видимо, не маститых историков. Другой границей внутри профессионального сообщества является степень готовности историков «отойти от фальсифицированных построений, связанных с культом личности». И прибегая к примеру с докладом Рыбакова, Шапиро обо-

²² Е.Н. Кушева, весьма кратко извещавшая Б.А. Романова о поездках принимавших участие в его судьбе историков, написав о поездке В.И. Шункова в Египет, добавила: «Вот это размах». (Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940 – 1957 годов / Сост. В.М. Панеях. СПб., 2010. С. 454).

²³ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 1. С. 160.

²⁴ Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940 – 1957 годов / Сост. В.М. Панеях. СПб., 2010. С. 443.

²⁵ А.Л. Шапиро – Л.А. Дербову. 20 декабря 1956 г. // Государственный архив Саратовской области. (Далее – ГАСО) Ф. 3–3731. Оп. 1. Д. 270. Л. 28 об. Доклад Б.А. Рыбакова был опубликован дважды: в виде отдельной брошюры (Рыбаков Б.А. Образование древнерусского государства. М., 1955) и в сборнике докладов советской делегации на X международном конгрессе историков (Рыбаков Б.А. Образование древнерусского государства // Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М., 1956).

значает пределы научной рациональности, за рамки которой выходит и объект описания – «бред сивой кобылы», и само то, что он «оказался» «среди докладов наших историков в Риме». Под вопросом оказывается, таким образом, сама система отбора участников и работ для международного форума. Принципы работы этой системы для Шапиро скрыты, а результат «поражает», т.е. выходит за рамки объяснимых явлений, и заставляет прибегать к категории случайности, именно поэтому доклад Рыбакова «оказался». Как и Б.А. Романов, Шапиро использует международную перспективу для оценки советского исследования, однако, в отличие от своего старшего коллеги, не касается возможного восприятия этой работы за рубежом. Контекстом приведенного фрагмента из письма Романова является его собственная судьба, а контекстом рассуждений Шапиро – судьба советской исторической науки в целом в связи с «десталинизацией».

Спустя десять лет, в 1966 г. Шапиро в письме к В.К. Яцунскому излагал свои замечания по поводу доклада последнего о состоянии изучения аграрной истории в советской историографии. Ленинградский историк рекомендовал своему московскому коллеге воздержаться от критики диссертаций *вообще* за распространенный в них тезис о постоянном росте эксплуатации крестьянства в российской истории. Поскольку этот доклад планировался к публикации в ежегоднике аграрного симпозиума, Шапиро писал: «Ежегодник читают за рубежом, и вряд ли стоит изображать дело так, будто у всех советских историков есть нарочитость и необъективность в трактовке этого вопроса»²⁶. Речь, таким образом, вновь шла о репутации советской историографии в целом.

К этому времени общение с зарубежными историками стало если не повседневной нормой, то делом привычным: с 1958 г. стала функционировать программа академических обменов между университетами США и СССР, регулярно проводились коллоквиумы советских и западных историков. Участие Шапиро с докладом в одном из таких форумов – англо-советской конференции 1966 г., несмотря на все приложенные к тому усилия В.К. Яцунского, не состоялось²⁷.

Успешнее Шапиро пользовался другим способом коммуникации с западными историками: обменом книг. Этот обмен был сначала односторонним – Шапиро присылали книги его западные коллеги. С конца 1964 – начала 1965 г. и Шапиро, чьи собственные монографии по данной теме были еще делом будущего, но ставший к этому времени одним из организаторов симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, включился в обмен книгами с трудами этих симпозиумов. Вероятно, побудительным примером для него был В.К. Яцунский, который уже к тому времени принимал участие в этом обмене и задолго до того интересовался западной историографией и писал о ней.

²⁶ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 21 января 1966 г. // Архив Российской академии наук (Далее – АРАН). Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 159.

²⁷ По неизвестным нам причинам доклад был поручен другому историку (А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 12 марта 1966 г. // АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 170.). Об этой конференции см.: Меньшова Н.М. IV советско-английская конференция историков // Вопросы истории. 1967. № 3. С. 158 и сл.

В письме от 11 декабря 1964 г. Шапиро спрашивает у Яцунского о том, кому из зарубежных историков тот собирается отправить минский выпуск *Ежегодника по аграрной истории*²⁸ и далее пишет о том, кому сам считает необходимым выслать свои экземпляры ежегодника: «Я бы хотел послать Смиту в Бирмингем и Ван Бату в Голландию. Ван Бат присылал мне много работ, а я ему почти ничего. Когда получу Ваш ответ, закажу два экземпляра дополнительно»²⁹. Вопрос Яцунскому о его возможных адресатах был, вероятно, продиктован тем, что среди таковых могли быть и Смит, и Ван Бат, в переписке с которыми состоял Яцунский (Роберт Смит и Сликер Ван Бат занимались аграрной историей, российской и европейской соответственно)³⁰.

Примечательно то, что международные связи Шапиро устанавливал прежде всего с аграрными историками. Это было обусловлено, конечно, влиянием Яцунского, сотрудничество с которым позволило Шапиро вступить в общение с иностранными историками. Но, как представляется, такой выбор был также продиктован и собственными научными интересами Шапиро. Его категорически не устраивал уровень изучения многих специальных вопросов истории сельского хозяйства в советской историографии. Поэтому в работе над новыми подходами к исследованию российской аграрной истории (работа эта привела к созданию знаменитого коллектива, трудившегося над *Аграрной историей Северо-Запада России*), он стремился к максимальному расширению знаний и о зарубежной аграрной историографии. Весной 1965 г. Шапиро писал о том, что он рад за Яцунского, которому предстояла поездка в Париж, и просил его о следующем: «Если Вам удастся, узнайте, что сделано французами или англичанами или немцами для изучения "бюджетов" крестьян в средние века или в XVII – XVIII вв. Составляли ли модели крестьянского двора? Есть ли соответствующая литература?». А далее следовало указание на то, что «из Англии», т.е., вероятнее всего, от Р. Смита, Шапиро «толкового ответа не получил»³¹.

Шапиро была известна статья упомянутого английского историка, в которой предпринималась попытка построения модели крестьянского хозяйства в России XV – XVII вв. У советского историка имелась «распечатанная на ротапринте» ее копия, и о ней он «докладывал» на «своей аграрной группе, совместно с сектором феодализма ЛОИИ» в начале января 1965 г. Эту статью Шапиро счел «любопытной, но во многом малоквалифицированной попыткой»³². Р. Смит несколько раз пишет о той помощи, которую оказал ему при подготовке книги *Крестья-*

²⁸ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964.

²⁹ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 11 декабря 1964 г. // АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 123-124 об.

³⁰ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 11 января 1965 г. // Там же. Л. 128. Датируется по штемпелю на конверте.

³¹ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 5 мая 1965 г. // Там же. Л. 139.

³² А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 11 января 1965 г. // Там же. Л. 128 об. Эта статья в доработанном виде была включена в изданную в 1977 г. книгу Р. Смита (Smith R.E.F. *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge, 1977. P. 84-96).

янского хозяйство в Московии А.Л. Шапиро и в работе с источниками, и своими комментариями (о главе, посвященной моделированию крестьянского хозяйства)³³. Однако в трудах Шапиро упоминания Р. Смита и его работ отсутствуют, вероятно, в силу их невысокой оценки советским историком.

Не найдем мы в исследованиях Шапиро ссылок и на работы других западных историков России. Судя по опубликованным научным работам Шапиро, в западной историографии его интересовали прежде всего работы в области аграрной истории Западной Европы. Отличительной чертой научного почерка Шапиро был сравнительный анализ развития сельского хозяйства в России и в Европе и интерес его к западной литературе был весьма прагматичным. Прежде всего, Шапиро интересовали данные об урожайности в Западной Европе и наиболее часто в его исследованиях цитируется Сликер Ван Бат, который специально занимался этим вопросом и труды которого были, благодаря обмену публикациями, советскому историку хорошо известны. Тот же прагматический интерес к творчеству западных коллег Шапиро проявлял и в другой области своих научных занятий – российской историографии. Здесь наши сведения ограничены единичными упоминаниями западных историографических работ, частью давно устаревших в курсе лекций по историографии 1982 г.³⁴ и сообщением Шапиро о докладе американского историка Джеймса Биллингтона на историческом факультете ЛГУ.

В январе 1965 г. А.Л. Шапиро писал В.К. Яцунскому о выступлении на историческом факультете ЛГУ американского историка Джеймса Биллингтона: «Недавно на кафедре университета выступал с докладом Биллингтон (США). Он написал книгу по истории русской культуры³⁵ (1100 страниц) и докладывал основные принципы ее построения. Любопытно было, интересны некоторые критические замечания в наш адрес ("для вас, говорил он, Белинский, Герцен, Чернышевский – это не наука, а агиография, вопрос о Лаврове у вас сводится к тому, причислить ли его к лику святых или отлучить от святой церкви и т.д. "). Но вся его собственная концепция довольно примитивна: определяющее влияние географической среды на русскую культуру, определяющее влияние православия и западничества»³⁶. Отчасти замечания американского историка совпадали с мыслями самого Шапиро, читавшего курс по дореволюционной и советской историографии. В 1957 г., готовясь к чтению лекций по историографии, Шапиро писал Л.А. Дербову о том, что вышедшая тогда под редакцией В.И. Иллерицкого программа курса по советской историографии его не устраивает, т.к. «говорит не о достижениях нашей науки, а о том, как выправлялись ошибки»³⁷. В статье 1961 г.

³³ Smith. Op. cit. P. X, 84, 180.

³⁴ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982. С. 18, 120, 255.

³⁵ Книга вышла из печати в 1966 г.: Billington J. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. NY., 1966.

³⁶ А.Л. Шапиро – В.К. Яцунскому. 23 января 1965 г. // АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 653. Л. 131-131 об.

³⁷ А.Л. Шапиро – Л.А. Дербову. 3 ноября 1957 г. // ГАСО. Ф. 3–3731. Оп. 1. Д. 270. Л. 30 об.

Шапиро резко критиковал видение в истории советской историографии только борьбы с «ошибками и извращениями», вместо анализа развития науки³⁸. По сути, это была критика заимствованной из *Краткого курса* догмы о «классовой борьбе», лежащей в основе любого общественного процесса. Если в *Кратком курсе* эта догма объясняла события внутрипартийной борьбы, то у таких советских историков, как Е.А. Луцкий и М.Е. Найденов, она диктовала развитие исторической науки в СССР. Тем не менее, между взглядами Шапиро и Биллингтона существовало и отличие: американский историк критиковал классовый подход к истории российской мысли вообще, Шапиро же не устраивало то, что этот подход становился эпистемологической основой советской историографии. В своих книгах Шапиро стремился найти баланс между классовым подходом и собственно историографическим анализом.

Близость в критических суждениях о состоянии советской историографии, тем не менее, не повлияла на отрицательное мнение Шапиро о концепции Дж. Биллингтона. Отметим, что Шапиро явно противопоставляет себя, в качестве одного из «советских историков» историку американскому: «в наш адрес», – пишет сам Шапиро; «для вас», – говорит Биллингтон в изложении Шапиро. Оценка концепции Биллингтона как «примитивной» связывается с суждениями американского историка путем противопоставления (союз «но») и является компенсацией за «некоторые критические замечания» в адрес советских историков, к которым себя Шапиро причисляет. Критика Биллингтона, таким образом, не могла быть поводом для сомнений в основных научных ценностях советских историков, в том числе и классовом подходе, лишь часть этой критики представляла интерес, а сам американский историк предлагал «довольно примитивную» концепцию. Тем не менее, мнение Шапиро о концепции Биллингтона основывалось на суждении о ее сложности, а не близости к советскому изданию марксизма, т.е. историческому материализму.

Сравнение приведенного отрывка из письма Шапиро с опубликованной в 1967 г. рецензией известного русиста Ричарда Пайпса на книгу *Икона и топор* выявляет существенное различие в критериях и основанной на них оценке исследования Джемса Биллингтона. В отличие от своего советского коллеги, Пайпс воздержался от прямой критики концепции Биллингтона, отметив ее оригинальность, придающую книге «импрессионизм и персональность», и связав ее с современными тенденциями в литературной критике. Р. Пайпс, лучше своего советского коллеги ориентированный в западной интеллектуальной жизни, вместо критики концепции Биллингтона поместил ее в академический контекст³⁹. Вероятно, известный американский русист ставил тем самым под вопрос принадлежность книги Биллингтона истории как академической дисциплине. Во

³⁸ Шапиро А.Л. Несколько замечаний о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. № 3. С. 158.

³⁹ Pipes R. Рец. на кн.: Billington J. *The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture*. NY., 1966 // *The American Historical Review*. 1967. Vol. 72. № 3. P. 1039f.

второй части рецензии, Пайпс привел ряд грубых фактических ошибок, допущенных в книге, и это дало ему основание в заключении поставить под сомнение профессионализм. «В такой области, как российская история, где первостепенную роль играет профессионализм, такая недобросовестность никуда не годится», – закончил отзыв Пайпс.

В современной историографии исследование Биллингтона оценивается как классическое⁴⁰, и оба приведенных выше мнения от этой оценки отличаются. Отличны они и друг от друга: Пайпс ставит под сомнение профессионализм автора, анализируя допущенные в книге фактические ошибки, а концепция Биллингтона возражений у него не вызывает, а Шапиро, судивший об исследовании на основе доклада его автора, критикует, а точнее – не считает интересной с профессионально научной точки зрения именно концепцию в силу ее примитивности.

Для анализа восприятия научного творчества А.Л. Шапиро в зарубежной русистике я обращаюсь к рецензиям на его книги, опубликованным в научной периодике. Роль рецензий как одного из элементов системы обмена информацией в рамках академического сообщества наиболее обстоятельно исследована в книге Ильвы Линдхольм-Романчук⁴¹. Рецензия – это точка пересечения научной культуры рецензента и рецензируемого. Удачным примером историко-научного исследования, основанного на анализе рецензий, является статья Терри Билхартца о рецензировании научной литературы в США в 1950 – 1980-е годы⁴². При помощи контент-анализа Т. Билхартц изучил те критерии, которые определяли оценку рецензентом монографии. Выяснилось, что они значительно изменялись в течение трех десятилетий, и изменения эти отражают эволюцию американской исторической мысли. В 1950-е гг. рецензенты уделяли внимание прежде всего стилю изложения и оформлению монографий, критикуя авторов, в частности, за использование концевых, а не подстрочных примечаний. В первой половине 1960-х гг. большее значение приобретает анализ глубины и тщательности исследования. Кроме того, рецензии становятся более критичными: «Заканчивается эпоха "джентльменских рецензий"», – пишет Билхартц. Наконец, с середины 1970-х гг. повышаются требования к знаниям новейших тенденций в смежных с историей дисциплинах и поощряется использование заимствованных из этих дисциплин методологий. Удачное исследование, согласно рецензиям, должно было содержать ясный и интересный с научной точки зрения исходный тезис, оно должно быть кратким и нацеленным прежде всего на интерпретацию.

⁴⁰ Дэвид-Фокс М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 10.

⁴¹ Lindholm-Romantschuk Y. Scholarly Book Reviewing in the Social Sciences and Humanities: The Flow of Ideas Within and Among Disciplines. Westport, L., 1998.

⁴² Bilhartz T. In 500 Words or Less: Academic Book Reviewing in American History // The History Teacher. 1984. Vol. 17. № 4. P. 525-536.

Поскольку в моей статье анализ научной коммуникации, в отличие от цитируемых выше авторов, выходит за рамки национального научного сообщества, дальнейшее изложение необходимо предварить замечаниями, обосновывающими применение такого анализа. Во-первых, рецензии играли значительную роль в ознакомлении зарубежных историков с работами их советских коллег. Ни одна более или менее значимая советская книга не оставалась незамеченной иностранными экспертами. Интерес к российской и советской тематике был таков, что рецензии на монографии советских историков публиковались не только в специальной, посвященной русистике периодике, но и в других научных журналах, например, в главном журнале историков США *The American Historical Review*. В рамках такой «молодой» дисциплины, как русистика, большую часть экспертной научной работы составляла критика научной продукции советских историков. С 1964 по 1984 издавался журнал *Kritika* с подзаголовком «Обзор современных советских книг по русской истории» («A review of current Soviet books on Russian history»), где публиковались исключительно отзывы на советские книги. В немецком журнале по истории Восточной Европы, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, под рецензии был отведен значительный раздел, по объему не уступающий той части, где публиковались исследовательские работы.

Во-вторых, и с советской стороны существовал интерес к зарубежной критике. С 1960 г. ежегодно в декабрьском номере ведущего исторического журнала *Вопросы истории* публиковался список иностранных рецензий на книги советских историков⁴³. Советские авторы были, таким образом, осведомлены о реакции на их книги за рубежом и иногда в своих работах проявляли эту осведомленность или вступали в полемику с рецензентами. В этой связи уместно вспомнить о дискуссии между американским и советским историками: Э. Кинаном, автором монографии о переписке Ивана IV и Андрея Курбского⁴⁴, и Р.Г. Скрынниковым, опубликовавшим в 1973 г. небольшую книгу с разбором указанной монографии⁴⁵. Дискуссия эта проходила, в частности, в упомянутом выше периодическом издании *Критика*. Э. Кинан откликнулся на весьма критичную работу Р.Г. Скрынникова в большой статье, опубликованной в осеннем выпуске журнала за 1973 г.⁴⁶, а через три года в этом же журнале был напечатан ответ советского историка⁴⁷.

Шапиро, читавший по-немецки и по-английски, также следил за отзывами на свои работы. Так, во введении к третьему тому *Аграрной истории Северо-Запада* содержится ответ на замечание немецкого историка Карстена Герке, который, как писал Шапиро, «упрекнул нас (т.е. авторский коллектив *Аграрной истории* –

⁴³ Впрочем, этот список не был исчерпывающе полным: ряд рецензий западных историков на книги А.Л. Шапиро в нем пропущены.

⁴⁴ Keenan E.L. *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. Cambridge, 1971.

⁴⁵ Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

⁴⁶ Keenan E.L. Рец. на кн.: Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973 // *Kritika*. 1973. Vol. 10. № 1. P. 1-36.

⁴⁷ Skrynnikov R.G. Reply to Edward Keenan // *Kritika*. 1976. Vol. 12. № 1. P. 50-61.

Д. К.) в недостаточной обстоятельности источниковедческого разбора писцовых книг»⁴⁸.

Первые упоминания А.Л. Шапиро появились в западной академической периодике после выхода из печати в 1962 г. его курса лекций по российской историографии конца XIX – начала XX столетия⁴⁹. Книга эта давала сбалансированную картину развития исторической мысли в России конца XIX – начала XX вв., противопоставляя ее тому отрицательному образу дореволюционной науки, который был сформирован в научной печати конца 1940 – начала 1950-х гг. под влиянием кампаний по борьбе с «космополитизмом» и «буржуазным объективизмом». В 1963 г. в *American Historical Review* была напечатана краткая рецензия американского советолога Джорджа Барра Карсона-мл. на *Русскую историографию* А.Л. Шапиро⁵⁰.

Рецензия была небольшой по объему и довольно поверхностной. Книга рассматривалась в отрыве от того состояния, в котором находилось изучение истории исторической мысли в Советском Союзе. В рецензии, в частности, не упоминается и советская концепция о «кризисе буржуазной историографии», и ее истолкование в книге Шапиро. Карсон оценил работу советского историка позитивно, но сдержано: по его словам, книга «в сжатой форме» давала студентам знание о ведущих дореволюционных российских историках. Цель А.Л. Шапиро, в понимании американского ученого, состояла в ознакомлении студента «с теми концепциями, которые опроверг Ленин». О приведенных в книге доказательствах преимущества марксизма в ленинском истолковании по сравнению с концепциями профессиональных историков Карсон писал с упрощением о мысли советского историка. По его мнению, единственным таким доказательством у Шапиро являлось утверждение о том, что Ленину удалось показать несостоятельность доминировавшего в «буржуазной» историографии многофакторного подхода к объяснению исторических процессов. Не считая возможным включить хотя бы краткую ремарку о состоянии изучения темы в советской историографии, рецензент нашел в своем отзыве место для иронии: «Трудно удержаться от замечания о том, что большой успех Ленина как историка, т.е. то, что он видел лес, а не деревья, состоял на самом деле в том, что он мог распознать только одно дерево», – писал Карсон, обыгрывая известное критическое высказывание Ленина о современных ему историках⁵¹. По сути, это была констатация примитивности ленинизма, который, тем не менее, доминировал в советской историографии. Почти-тельность советского историка по отношению к Ленину заслонила для Карсона проделанную Шапиро работу, целью которой было дать как можно более взвешенную характеристику дореволюционной исторической мысли. Для того, что-

⁴⁸ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 3. Прим. 2.

⁴⁹ Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.

⁵⁰ Carson G.B., Jr. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962 // *The American Historical Review*. 1963. Vol. 68. № 4. P. 1137f.

⁵¹ *Ibid.* P. 1138.

бы проанализировать книгу Шапиро глубже, требовалось знание перипетий научной жизни в СССР. Вероятно, Карсон или не был сведущ в этом вопросе, или не посчитал необходимым упоминать о том интеллектуальном и научном контексте, в котором Шапиро писал свою работу.

Более детальный анализ советской историографии был предпринят Самьюэлом Бэрном в статье 1974 г. о возрождении изучения Г.В. Плеханова в СССР. Автор пришел к заключению о том, что соответствующая глава в *Русской историографии* А.Л. Шапиро являлась «наиболее полной и наиболее деликатной» работой о Плеханове из всего опубликованного в советской печати⁵². Работа Бэрона не была лишена критики: он отмечает, что Шапиро «или не сумел проследить или не признал того, что взгляды Плеханова на восточное общество были почерпнуты у Маркса и Энгельса». Однако, по мнению Бэрона, в отличие от других советских авторов Шапиро «занимало более понимание мировоззрения Плеханова, чем его осуждение», и критика русского марксиста в книге была поэтому взвешенной⁵³.

Подчеркнув более глубокое понимание Бэрном нюансов ситуации в советской исторической профессии, следует, тем не менее, признать, что скептическое отношение американских критиков к истории идей в советской историографии было обосновано. В этой области приверженность советских историков марксистской методологии сказывалась особенно негативно. В.А. Китаев и В.В. Ведерников пишут, что классовый подход, довлевший над анализом интеллектуальной жизни прошлого, неизбежно приводил к ее схематизации⁵⁴. Абсолютизация социального происхождения и политических взглядов в качестве факторов, определявших образ мысли ученых, литераторов и общественных деятелей, безусловно, обедняла исследования советских историков. Кроме того, оценка научного наследия той или иной фигуры во многом зависела от официальной позиции по данному вопросу, т.е. от политики партии. Для сколько-нибудь полного анализа советской историографической работы зарубежным рецензентам приходилось принимать во внимание целый ряд обстоятельств, в том числе и политического характера, и делать на эти обстоятельства скидку в своих оценках.

Другой существенной чертой советских историографических работ был европоцентризм, т.е. направляемый формационной теорией общественного развития неизменный поиск аналогий между западноевропейской и отечественной культурами. Если в отношении новой и новейшей истории это было оправдано ориентацией исторического развития России на западноевропейскую модель, то для древнерусского и московского этапов отечественной истории такой поиск далеко не всегда был обоснован и приводил к сужению исследовательской перспективы. Книга Шапиро, посвященная древнейшим этапам в истории российской истории-

⁵² Baron S.H. The Resurrection of Plekhanovism in Soviet Historiography // *The Russian Review*. 1974. Vol. 33. № 4. P. 401f.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ведерников В.В., Китаев В.А. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года // *Вопросы истории*. 1997. № 1. С. 160.

ческой мысли, была написана именно в таком ключе⁵⁵. То, что было новаторским в рамках советской историографии – помещение восточнославянского фольклора и письменных памятников Древней и Московской Руси в контекст европейской истории идей с ретроспективным освещением мифологии и античной историографии – показалось американскому рецензенту, Дэвиду Дасу, банальным.

Д. Даса разочаровало прежде всего то, что используемый Шапиро сравнительный подход к истории, столь перспективный по мнению рецензента, привел к «повторению того старого тривиального взгляда, что российское историописание шло по тому же пути развития – хоть и отставая, – что и в Западной Европе». «Методология Шапиро» была оценена как «крайне неубедительная» – советский историк «избирал одну-две идеи, в качестве воплощения духа эпохи (*Zeitgeist*) каждого из важнейших периодов западноевропейской историографии и пытался найти отражение этих идей на "соответствующем" этапе российской историографии»⁵⁶. «Оторвав идеи от их западноевропейского и российского контекста, Шапиро создал взамен преисподнюю, по которой скитаются эти идеи вне историографической и культурной традиции», – таким видел американский критик результат творчества Шапиро. В отличие от рецензий предыдущих лет, в отзыве Даса предлагалась альтернатива методологии оцениваемой работе. По мнению рецензента, следовало снова вернуться к самим текстам, ключевые проблемы происхождения и состава которых, особенно позднейших памятников, были, по его мнению, не решены. Д. Дас настаивал на более пристальном внимании к той среде, в которой создавались исторические произведения прошлого, «к тому, кто был их автором и читателем, к причинам написания историй и к тому, почему их читали». Эти вопросы должны были, по мысли Даса, получить ответы, прежде чем будет «предпринята новая попытка обобщающей истории российской историографии». В ином случае, писал американский историк, вновь возвращаясь к inferнальным образам, «мы будем вновь видеть, как Курбский и компания подвергаются мучительным искажениям, превосходящим фантазию Данте»⁵⁷.

Д. Дас судил о книге А.Л. Шапиро с позиций переживавшей бурный рост культурной истории – об этом свидетельствует и часть цитируемых выше его вопросов, и то, что объект исследования он формулировал как «российская культура историописания», советский историк же использовал термин «историография». В этом состояла принципиальная разница: понятие «историография» неизбежно приводит к западноевропейской модели, где, собственно, и сложилась история как научная дисциплина, в то время как «культура историописания» допускает существование множества глубоко отличных друг от друга традиций исторического нарратива, не отрицая, впрочем, возможности межкультурных влияний и заимствований. Примечательно, что Д. Дас как будто не замечает того фак-

⁵⁵ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982.

⁵⁶ Das D. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982 // *The Russian Review*. 1984. Vol. 43. № 3. P. 304f.

⁵⁷ *Ibid.* P. 305.

та, что книга Шапиро была наполнена отсылками к текстологическим и источниковедческим исследованиям российских и советских ученых. Отрицательно оценивая *Историографию с древнейших времен* и требуя новых ответов на поставленные им вопросы и нового «синтеза» в области истории российского историописания, Д. Дас одновременно отвергает итоги работы целых поколений российских и советских исследователей.

Совсем иначе обстояло дело с отзывами на исследования А.Л. Шапиро в области российской аграрной истории, главное дело жизни этого историка. Западным историкам, по словам Пола Бушковича, Шапиро был известен более всего как «лидер ленинградских историков, вовлеченных в подготовку многотомной аграрной истории Северо-Западной России в XVI столетии, основанной на писцовых книгах и использующей современные статистические методы»⁵⁸. Здесь мы видим полное признание зарубежными русистами научной ценности исследований А.Л. Шапиро и возглавляемого им авторского коллектива, работавшего над *Аграрной историей Северо-Запада России*. Данные из этого издания использовались в рецензиях на монографии других авторов, в частности на книгу британского русиста о средневековой истории сельского хозяйства в России. *Аграрная история* становится своего рода эталоном, принятым научным стандартом, с которым сопоставляются исследования в данной области⁵⁹. Примечательно, что рецензии на открывавший серию том *Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в.* (Л., 1971) появились за рубежом, в 1973 г.⁶⁰ и 1974 г.⁶¹, а не в СССР.

Их авторы – немецкий и американский русисты, Карстен Герке и Эдвард Кинан – признали, что уже первый том *Аграрной истории* являлся существенным вкладом в изучение не только истории региона, но и всего российского государства. По мнению Кинана, это издание было «наиболее значительной работой из всех ведущихся сейчас по любому периоду истории Московского государства», а Герке констатировал, что том «делает необходимым пересмотр значительного объема исследовательской литературы»⁶². Следует также отметить, что оба рецензента чрезвычайно много места в своих работах отвели изложению основного содержания *Аграрной истории* и выводов авторского коллектива, вопреки тому, что сколько-нибудь содержательный пересказ рецензируемого исследования нормой на Западе не является. Вероятно, ценность материала была в глазах Герке и Кинана настолько высока, что ознакомление с ним западного читателя хотя бы

⁵⁸ Bushkovitch P. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. // *The Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 4. P. 474.

⁵⁹ См. например: Kleimola A.M. Рец. на кн.: Smith R.E.F. *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge, 1977 // *The Journal of Economic History*. 1977. Vol. 37. № 4. P. 1092f.

⁶⁰ Goehrke C. Рец. на кн.: *Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в.* Л., 1971 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1973. Vol. 21. № 1. P. 79-82.

⁶¹ Keenan E.L. Рец. на кн.: *Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в.* Л., 1971 // *Kritika*. 1974. Vol. 10. № 2. P. 60-69.

⁶² *Ibid.* P. 60; Goehrke. *Op. cit.* P. 82.

по краткому изложению представлялось им абсолютно необходимым. Кроме того, написание отзыва в таких ситуациях – это почетное дело: выступающий в роли посредника между автором исследования и научным сообществом рецензент становится причастным к продвижению нового знания. Поскольку в данном случае речь идет о написанном на иностранном языке исследовании, не всегда доступном для всего научного сообщества, то рецензенту предоставляется возможность стать основным источником сведений о содержании новой ценной книги. Вот почему Кинан даже приводит перевод цитаты, объемом в страницу, подводящей главные выводы, из заключения к первому тому *Аграрной истории*⁶³.

Главным достижением авторского коллектива немецкий и американский историки считали тот огромный объем источникового материала и те тщательно проработанные и выверенные методы его обработки, на которых основывалось содержание книги. При этом рецензенты отметили осторожность и сдержанность авторов *Аграрной истории* в выводах, хотя вводимый исследованием в научный оборот источниковый материал позволял делать широкие умозаключения. Кинан в связи с этим предполагает, что обнаруженное им «отсутствие отзывов на "Аграрную историю" отчасти вызвано чрезвычайной осторожностью самих авторов: они постулируют важные и далеко идущие выводы почти вполголоса и очень мало говорят об их применении к решению тех общих вопросов социально-экономической и политической истории, по которым в течение длительного времени ведутся дискуссии»⁶⁴. Далее Кинан постулирует, что, несмотря на то, что ряд выводов авторского коллектива уже появлялся в печати, в *Аграрной истории* впервые в историографии эти выводы были основаны на столь солидной документальной базе, что вряд ли «основные умозаключения» могут быть «оспорены», исходя из имевшихся тогда в распоряжении историков источников⁶⁵.

Для американского историка главный интерес представляли статистические данные и модель крестьянского хозяйства, описываемая А.Л. Шапиро в соответствующей главе *Аграрной истории*. В целом, Кинан, занимавшийся культурной и политической историей России, искал ответы на вопрос о том, что *Аграрная история*, «детальное и иногда скорее техническое исследование», дает обычному историку Московской Руси. Герке же, будучи специалистом именно по аграрной истории России⁶⁶, был заинтересован в том, какие историографические стереотипы ставит под сомнения книга. Отметив, что среди таковых – теория о непрерывном росте барщины в XV – XVI вв., немецкий русист делает вывод о том, что «особенная сила авторов (...) состоит в том, что они решают свои задачи исходя только из статистических материалов, делают это по-новому и без оглядки на устоявшиеся научные представления или идеологические каноны». И далее про-

⁶³ Keenan. Op. cit. P. 61.

⁶⁴ Ibid. P. 60.

⁶⁵ Ibid. P. 62.

⁶⁶ В 1968 г. Герке опубликовал монографию по истории пустошей в Московской Руси: Goehrke C. Die Wüstungen in der Moskauer Rus': Studien zur Siedlungs-Bevölkerungs- und Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1968.

должал: «Для многих советских историков, и не только для них, этот труд становится тревожным звонком, поскольку в его основании – педантичный анализ писцовых книг»⁶⁷. Каждый из рецензентов нашел ответы на интересовавшие его вопросы и в заключение написал о том, что будет с нетерпением ожидать продолжения *Аграрной истории*. Однако на следующий том, вышедший в 1974 г.⁶⁸, из них откликнулся только Герке⁶⁹.

Второй том *Аграрной истории*, по словам Герке, оправдал его ожидания, но эту рецензию, в отличие от предыдущей, он строил не на сжатом пересказе книги, а на ее критике и аналитических наблюдениях. Большинство его замечаний касались состояния источников и обоснованности данных, извлеченных из этих источников авторами. Герке сделал заключение о том, что в массе своей обобщения в *Аграрной истории* заслуживают доверия, хотя в будущем многое может быть оспорено или, по меньшей степени, скорректировано. Поэтому он предлагал читателю «ставить маленькие знаки вопроса» у большинства статистических данных книги⁷⁰. К неудовольствию рецензента, ленинградские историки прошли мимо его книги 1968 г., в которой освещались вопросы возникновения и заустения поселений в Московской Руси. По мнению Герке, это было очередным свидетельством изоляции советской историографии от зарубежной русистики и ослабляло аналитическое содержание книги⁷¹. Тем не менее, общая оценка тома была в рецензии положительной. Герке считал, что все выводы авторов основаны на полученных в результате применения к массовым источникам количественных данных и существенно корректируют сложившиеся представления о генезисе крепостного права в Московской Руси⁷².

Третий том, опубликованный в 1978 г.⁷³, стал предметом рецензии упоминавшегося выше английского историка Роберта Смита⁷⁴. Рецензия Смита не столь пространна, как предыдущие отклики на *Аграрную историю*, хотя ее автор являлся ведущим западным исследователем в данной области, и кому, как не ему, было в деталях осветить достоинства и недочеты работы, проделанной авторским коллективом под руководством Шапиро. Вероятно, выход очередного тома уже не был таким ярким событием в научной жизни, как появление первой книги из серии, поскольку к началу 1980-х гг. сообщество западных историков уже знало о ведшейся в Ленинграде работе. Р. Смит весьма кратко описал содержание книги, выразил свое сомнение в некоторых из ее выводов (в частности, в господ-

⁶⁷ Goehrke С. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России, вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. Р. 81.

⁶⁸ Аграрная история Северо-Запада России XVI в. (Новгородские пятины). Л., 1974.

⁶⁹ Goehrke С. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI в. (Новгородские пятины). Л., 1974 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1977. Vol. 25. № 3. Р. 426f.

⁷⁰ *Ibid.* Р. 426.

⁷¹ *Ibid.*

⁷² *Ibid.* Р. 427.

⁷³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978.

⁷⁴ Smith. Peasant Farming in Muscovy. Р. 84.

стве трехполюя на Руси в XV веке) и заключил рецензию констатацией того, что «книга является важной работой с большим объемом ценного материала и более реалистичным подходом, чем в некоторых иных изданиях, но она также демонстрирует, что многое остается неясным в российском экономическом и социальном развитии»⁷⁵.

Сложившаяся благодаря *Аграрной истории Северо-Запада России* высокая научная репутация А.Л. Шапиро в качестве одного из лидеров в изучении русского средневековья вызвала повышенное внимание к его монографии *Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв.* (Л., 1977). На эту книгу было опубликовано три рецензии. В них представление Шапиро как автора рецензируемого исследования было основано на его заслугах в работе над *Аграрной историей*⁷⁶. Наибольшее внимание все рецензенты уделили изложению содержания книги, оценивая отдельные главы как более или менее удачные по сравнению с другими, и оценки эти не совпадали у разных авторов. Так, Ханс-Петер Портманн и Пол Бушкович посчитали наиболее сильной первую главу, посвященную общему обзору сельскохозяйственного производства в Восточной Европе с древнейших времен до XVI века, но именно ей была адресована большая часть критических замечаний Лоуренс Лангер⁷⁷. Бушкович охарактеризовал вторую главу – о развитии ремесел и торговли – как «наименее оригинальную и наименее интересную», поскольку в ней автор лишь «подытожил текущую советскую историографию по предмету»; по оценке же Портманна здесь Шапиро дал «обширный очерк развития в правильной перспективе»⁷⁸. Что касается третьей главы, в которой советский историк писал о социальной дифференциации крестьянства в XIV – XVI вв., то здесь Портманн и Лангер ограничились кратким изложением ее содержания, а Бушкович посчитал ее «наименее убедительной»⁷⁹.

Мнения двух американских и швейцарского историков-русистов о книге Шапиро были положительными. Наиболее положительным был отзыв Пола Бушковича: он посчитал, что в целом *Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв.* – «побуждающая к размышлениям и интеллектуальная книга, а ее отдельные главы могут стать поворотным пунктом в нашем понимании сельского общества на Руси»⁸⁰. При этом в рецензии Бушковича содержалось наибольшее среди трех отзывов число критических замечаний. Разбирая вторую

⁷⁵ Smith R.E.F. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978 // *The American Historical Review*. 1981. Vol. 86. № 2. P. 426.

⁷⁶ Bushkovitch. Op. cit. P. 474; Langer L.N. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. // *The American Historical Review*. 1979. Vol. 84. № 2. P. 500; Portmann H.-P. Рец. на кн.: Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV – XVI вв. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1980. Vol. 28. № 3. P. 418.

⁷⁷ Ibid. P. 474; Portmann. Op. cit. P. 418; Langer. Op. cit. P. 501.

⁷⁸ Bushkovitch. Op. cit. P. 474; Portmann. Op. cit. P. 420.

⁷⁹ Bushkovitch. Op. cit. P. 475; Portmann. Op. cit.; Langer. Op. cit.

⁸⁰ Bushkovitch. Op. cit. P. 475.

главу, Бушкович писал, что не имеет смысла утверждение Шапиро о том, что движение товаров по большим территориям было вызвано скорее «нехваткой ресурсов», чем развитием рынка, поскольку «любое движение товаров по любой территории есть результат "нехватки ресурсов"»⁸¹. Далее Бушкович критикует Шапиро за чрезмерную категоричность вывода третьей главы о том, что сельское хозяйство не было ориентировано на рынок. Категоричность эта, по мнению американского историка, противоречила здравому смыслу. Разумеется, пишет Бушкович, «никто не будет спорить с утверждением о том, что в целом российское сельское хозяйство было докапиталистическим (...), но почему не допускать того, что рынок мог затрагивать деревню в какой-то мизерной степени?»⁸².

Критика Лангера была менее предметной: он указал на то, что Шапиро «до пределов расширяет свою марксистскую концепцию и тем самым демонстрирует как преимущества, так и недостатки советской историографии»⁸³. Х.-П. Портманн сделал лишь одно критическое замечание: по его мнению, в исследовании Шапиро недостаточно проанализировано «влияние политических структур на экономическое и социальное развитие»⁸⁴. Примечательно, однако, что Портманн не связывает отмеченный им недостаток с марксистскими взглядами автора книги. А заключительное наблюдение рецензии – о том, что в исследовании советского историка «отсутствует классовая борьба» – в сочетании с декларируемым интересом к связи восстания Болотникова с исследуемым А.Л. Шапиро социально-экономическим развитием средневековой Руси, свидетельствует о близости Портманну характерных для советской историографии исследовательских практик. Впрочем, в другой рецензии – на третий том *Аграрной истории* – Портманн уже писал о советской историографии как об изолированном научном сообществе, в рамки которого было заключено значение рецензируемого исследования. «"Аграрная история" устанавливает новые масштабы для советской историографии в области российской истории XV – XVII вв.», – заключал он разбор книги⁸⁵.

Следующая монография А.Л. Шапиро *Русское крестьянство перед закрепощением (XIV – XVI вв.)* (Л., 1987) подводила итоги его многолетних разысканий в области аграрной истории России. Спустя два года после выхода этой книги была опубликована на нее рецензия Роберта Крамми в центральном научно-историческом журнале США⁸⁶. В данном отзыве Шапиро вновь представлен читателю как «лидер ленинградской группы, исследующей аграрную историю Рос-

⁸¹ Ibid. P. 474.

⁸² Ibid. P. 475.

⁸³ Langer. Op. cit. P. 501.

⁸⁴ Portmann. Op. cit.

⁸⁵ Portmann H.-P. Рец. на кн.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1981. Vol. 29. № 1. P. 95.

⁸⁶ Crummeу R.O. Рец. на кн.: Русское крестьянство перед закрепощением (XIV – XVI вв.) Л., 1987 // *The American Historical Review*. 1989. Vol. 94. № 1. P. 183f.

сии»⁸⁷. Представление же книги как будто бы предваряло дальнейшую критику ее: Крамми пишет о том, что содержание книги не вполне соответствовало ее названию. Вместо «общего обзора структуры исторической эволюции российского крестьянства в XIV – XVI вв.», книга содержала, писал Крамми, «отдельные и не всегда связанные друг с другом размышления» Шапиро по ряду проблем истории средневекового крестьянства⁸⁸. Но далее рецензент резко меняет тон отзыва: «Несмотря на некоторую узость проблематики книги, в ней имеются драгоценные находки», и переходит к изложению ценных по его мнению частей монографии Шапиро. Все они, в изложении Р. Крамми, были связаны со сравнительно-историческими экскурсами Шапиро в аграрную историю России и Западной Европы. Рецензент вкратце излагает общие положения книги Шапиро об уровне производительности российского и европейского сельского хозяйства и о становлении крепостного права. Несмотря на сходство условий для крестьянского хозяйства в странах к востоку от Эльбы и России в XV – XVII вв., закрепощение крестьянства в этих регионах было обусловлено разными факторами. В России, излагал выводы советского историка Крамми, к закрепощению привела неспособность российской экономики «генерировать ресурсы, необходимые для продолжительных войн и преодоления разрушительных последствий политических и природных катастроф». Поэтому «правительство и землевладельцы требовали такой значительной доли продуктов хозяйствования крестьян, что последние не могли более обеспечить для себя необходимый для выживания объем зерна и были вынуждены убежать». Подвижность крестьянского населения, постоянная угроза новой волны побегов и беспорядки Смуты в итоге привели к прикреплению крестьянства к земле в России⁸⁹. В заключении, вместо общепринятого вынесения оценки монографии, Крамми постулирует основы методологии исторического исследования, которым, по его мысли, учила книга А.Л. Шапиро: «Сквозь изложение частных вопросов красной нитью проходит одна, но очень убедительная мысль: настойчивое и требовательное утверждение Шапиро того, что подлинное понимание экономического, социального и правового положения русского крестьянства должно основываться не на использовании ярлыков или упрощенных и всеобъемлющих объяснений, а на скрупулезном изучении сохранившихся данных, на внимании к отраженным в них региональным и хронологическим особенностям и на логичной их интерпретации, руководствующейся здравым смыслом»⁹⁰. Несмотря на некоторую патетичность этого фрагмента, здесь чрезвычайно емко и точно изложены те принципы, которыми руководствовался Шапиро в изучении аграрной истории России на протяжении 1960-х – 1990-х гг. Весьма показательно, что американский историк видит ценность ито-

⁸⁷ Ibid. P. 183.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid. P. 184.

⁹⁰ Ibid.

говой для Шапиро книги не только и не столько в ее эмпирическом, сколько в методологическом содержании.

Рассмотрение научной коммуникации между советским историком и его западными коллегами, равно как и те крайне скупые отрывки информации об отношении Шапиро к зарубежной историографии, дает в итоге довольно пеструю палитру оценок и мнений. Преобладают в этой палитре все-таки «теплые» цвета – и А.Л. Шапиро, и западные русисты были заинтересованы в общении, хотя со стороны последних этот интерес проявлялся, кажется, сильнее.

Советского историка интересовали в западной историографии прежде всего те сведения, которые он не мог получить в соответствующей советской литературе, в частности, данные об урожайности крестьянского хозяйства в Западной Европе. Несмотря на непрерывный рост аграрной историографии, Шапиро до конца 1980-х гг. ограничивался почти исключительно цитированием работ Сливхера Ван Бата. Там, где это было возможно (например, привлекая сведения общего характера об особенностях социально-экономической истории Польши и других регионов к востоку от Эльбы), Шапиро обходился ссылками на труды своих советских коллег, особенно тех из них, кто принимал участие в работе аграрных симпозиумов.

Две монографии А.Л. Шапиро по истории сельского хозяйства и крестьянства на Руси и тома *Аграрной истории Северо-Запада России* неизменно получали признание у западных историков как весомый вклад в дисциплину российской истории. Хотя и аграрная история, и русистика переживают сейчас не лучшее время, *Аграрная история Северо-Запада* и ее статистические данные по-прежнему востребованы не только в российской, но и в зарубежной историографии. Винсент Хаммонд, автор опубликованной в 2009 г. монографии о зарождении поместной системы в Новгороде, полагается в своем исследовании прежде всего на данные, приведенные в подготовленных ленинградскими историками томах, последний из которых вышел из печати в 1989 г.⁹¹ Примечательно, что высокую оценку получили не только достижения Шапиро и созданного им авторского коллектива в обработке и введении в научный оборот сведений по истории российского крестьянства и земледелия, но и те общие принципы исторического исследования, которых Шапиро придерживался на протяжении всей своей научной карьеры. Они, безусловно, являются универсальными и центральными для профессиональной культуры историка в любой стране.

В области историографии американские рецензии скорее «закрывали» книгам А.Л. Шапиро вход в западное научное сообщество. Более того, с течением времени тон рецензий становится все более суровым, и рецензия Д. Даса 1984 г. уже почти отказывает книге советского историка в профессиональном признании, но основывается она на сугубо научных доводах, которые не принимают в расчет политические обстоятельства, в которых находился историк.

⁹¹ Hammond V.E. *State Service in Sixteenth Century Novgorod: The First Century of the Pomestie System*. Lanham, 2009.